

ГБ. Животные (местный вариант лисы) и птицы вблизи холма имеют специальный статус — их не убивают и даже специально подкармливают.

Некоторые люди считают, что на закате ГБ — это очень опасное место как пункт концентрации злых духов из пустыни. Другие — наоборот — полагают, что проводить солнце на закате, или встретить солнце на восходе, находясь на вершине холма — это к удаче задуманного.

Вблизи ГБ находится могила / мавзолей очень почитаемого в округе шейха Вад Эль-Харсани. Долгое время данная могила и остатки храма Амона почитались женщинами округа, как места обретения фертильности.¹

Другим выделяемым местом округа является поле пирамид Нури и роща на ее краю (10 км выше по Нилу от ГБ). Считается, что там на глубине примерно 40 м похоронен шейх Озир, которого обычно представляют мусульманским шейхом при официальной презентации. Однако конспирологически, «среди своих», люди «знают», что это был иудейский пророк. Роща долгое время в прошлом была местом почитания и молитв у местных жителей.²

Заключение

Исследование показало, что ГБ и поле пирамид Нури достаточно хорошо интегрированы в систему местных верований. Данные представления можно задействовать для дальнейшего улучшения восприятия местными жителями ограничений, связанных с нуждами сохранения исторических памятников округа. В частности можно предположить, что более хорошая сохранность пирамид Нури в отличие от пирамид Эль-Курру, которые были разобраны на строительный материал в течение прошедших веков, была обеспечена именно что связью места со святостью шейха Озира.

Литература

1. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. №4. С.35–48.
2. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. М.: Флинта: Наука, 2010. 568 с.

Ламажаа Ч.К.

Геокультурные образы буддийского мира современных тувинцев

*Институт фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета
Калмыцкий государственный университет*

Аннотация. В статье рассматриваются геокультурные образы буддийского мира у тувинцев — представления, сформированные в тувинской культуре на сегодняшний день для описания территорий распространения буддизма, свидетельствующие о внутриконфессиональных и межконфессиональных связях буддистов Тувы и других регионов страны и мира.

Геокультурные образы делятся на зарубежные и российские. К числу зарубежных относится важнейший центр — Тибет, колыбель северного буддизма, при этом ставший фактически смещенным — тибетско-индийским («Тибет в изгнании»). Отмечается жизнь и деятельность Его Святейшества Далай-ламы XIV, который стал выступать персональным центром геокультурного образа наиболее известного направления буддизма. Соответственно,

¹ Данная практика женского паломничества была практически прекращена в результате тридцатилетней работы исламистов во времена правления недавно свергнутого президента Судана, но базовое верование все еще существует в сознании людей.

² Большое наводнение в начале 80-х смыло рощу; это, и работа исламистов, практически прекратило паломничество людей на данное место. Однако сейчас роща восстановилась, и Озир продолжает быть похороненным в этой земле, о чем жители окрестностей все еще помнят.

буддийский мир верующими воспринимается в связи с деятельностью его лидера, проповедника в изгнании, кочевого центра духовной жизни буддистов.

Рассматриваются также геокультурные образы буддийского мира в России, которые имеют для тувинцев особую значимость: российские регионы, родственные по культуре тувинцам — Калмыкия и Бурятия, а также центры буддийских общин.

Ключевые слова: Тува, тувинцы, тувинская культура, пространство, буддизм, буддийский мир, геокультура, геокультурный образ, Тибет, Далай-лама, буддизм России, буддийский регион.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения», грант № 19-18-00118).

Lamazhaa Ch.K.

Contemporary Tuvinians' geocultural images of Buddhist world

*Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow University for the Humanities
Kalmyk State University*

Abstract. The article discusses the geocultural images of the Buddhist world among Tuvans — representations formed in Tuvan culture today to describe the territories of the spread of Buddhism, testifying to the intra-confessional and inter-confessional ties of the Buddhists of Tuva and other regions of the country and the world.

Geocultural images are divided into foreign and Russian. Among the foreign ones is the most important center — Tibet, the cradle of northern Buddhism, while it has become virtually displaced — Tibetan-Indian ("Tibet in Exile"). The life and activities of His Holiness the Dalai Lama XIV, who began to act as the personal center of the geocultural image of the most famous direction of Buddhism, are noted. Accordingly, the Buddhist world is perceived by believers in connection with the activities of its leader, a preacher in exile, a nomadic center of the spiritual life of Buddhists.

Also considered are the geocultural images of the Buddhist world in Russia, which are of particular importance for Tuvans: Russian regions related to the Tuvan culture — Kalmykia and Buryatia, as well as centers of Buddhist communities.

Keywords: Tuva, Tuvinians, Tuvinian culture, space, Buddhism, Buddhist worlds, geoculture, geocultural image, Tibet, Dalai Lama, Buddhism in Russia, Buddhist region.

Большинство населения Республики Тыва (Тува) составляет коренное население — тувинцы, что определяет значительную традиционность региональной культуры, в том числе религиозной стороны жизни. Тува вместе с Калмыкией и Бурятией считается традиционно буддийским регионом России, которые входят в буддийский мир и имеют духовного лидера за пределами страны — Его Святейшество Далай-ламу XIV. Тем самым они являются важными элементами, составляющими мультикультурность российской культуры, сложность идентификационной карты россиян, межконфессиональные и внутриконфессиональные связи. Поэтому исследование религиозной жизни буддистов России представляет собой вклад в изучение современного состояния российской идентичности.

Наше исследование обращено к теме геокультурных образов — представлений, сформированных в культуре для описания каких-либо реальных пространств (территорий, местностей, регионов, стран и пр.) (Замятин, 2006: 63). Геокультурные образы выражают определенное мировидение культуры, в свою очередь они оказывают влияние на формирование и развитие самой культуры, определяя ее ориентиры, уточняя вопросы самоидентификации представителей культуры.

Проблема геокультурных образов буддийского мира у тувинцев (как в истории, так и в современности) практически не поднималась в научной литературе, несмотря на значительное число работ по буддийским основаниям тувинской культуры, по вопросам идентичности тувинцев и их представлений о других народах, которые затрагивают близкие, смежные вопросы (Ламажая, 2019: Электр. ресурс).

Шаманизм и древние культы долго сохраняли (и до сих пор сохраняют!) для тувинцев свое значение, особенно в ряде районов. Тем не менее, такая особенность буддизма как приспособляемость к культурам различных стран, где он распространяется (Берзин, 1992: 11), позволила ему укрепиться в Туве и приобрести «тувинскую» форму, синкретизировавшись с шаманизмом. Синкретизация религий — это достаточно сложный и длительный процесс, успешность которого обусловлена тем, что на место прежних божеств становятся святыне новой религии с аналогичными функциями (Хомушку, 2010: 263). Буддизм прошел в Туве также подобный путь, что и позволило ему укорениться в тувинской культуре.

Укрепление буддизма на территории Тувы пришлось на период, когда край был присоединен к Цинской империи Китая (вторая половина XVIII — начало XX в.). Условия, в которых оказалось население, сохраняли консервацию пространственного миропонимания тувинской культуры. Китайская администрация во внутренние дела тувинского населения не вмешивалась, управление осуществлялась через Монголию и с помощью наместников из числа местной знати, от тувинцев в целом империи лишь требовались в первую очередь налоги (История Тувы, 2001: 216–217). Поэтому край оставался замкнутым от внешнего мира, тувинские племена существовали разрозненно, в том числе, будучи разделенными китайским административным устройством и приписыванием к определенным хошунам. Культура оставалась «замкнутой» на понимании, прежде всего, своего локального мира. Тем не менее, общие пространственные ориентиры в культуре были. Пространство и время тувинцев были максимально конкретны и предметны, характеристики макрокосмоса переносились на микрокосмос, выражаясь в особом понимании структуры жилища, его сторон и должного поведения. В такой культуре, локальной, замкнутой, буддизм, вписавшись в картину мира, трансформировал ее мифологию и в том числе понимание пространства. Культи неба и земли были переосмыслены и дополнены новыми идеями в соответствии с принципами буддийской космологии и учением о трех мирах или сферах: чувственным миром, миром форм и миром неформ, которые населялись разными существами. Представления о трех сферах соотносились с различными стадиями измененных состояний сознания и содержательными аспектами буддийской йоги, но содержали теорию традиционной космографии и основной частью сангхи воспринимались в качестве реального знания, т. е. землеописания (Буддийский взгляд на мир, 1994: 101–102). При этом, будучи аналогом свода географических знаний, буддийская космография, тем не менее, не была отражением географических реалий (там же: 103).

В XX веке жизнь религий, как мы знаем, была тяжелой и наполненной трагическими событиями. В начале века буддизм, оставаясь официальной религией Тувы, сыграла существенную роль в создании и укреплении государственности — Тувинской Народной Республики, провозглашенной в 1921 г. Однако, с 1929 г., после Пленума ЦК ТНРП, когда партийная власть лишила сангху поддержки и собственности, фактически стала внедряться политика замены религии на коммунистическую идеологию. Буддизм и его служители подверглись гонениям, даже большим, чем шаманы, поскольку монастыри рассматривались как трибуны для провозглашения реакционных идей ламами (Монгуш, 2001: 105–106). Хурээ были уничтожены, ламы ограничивались в деятельности все больше, а впоследствии стали ссылаться и физически уничтожаться. Процесс секуляризации затем сменился процессом атеизации, который стал частью внутренней политики республики, в 1944 г. вошедшей в состав СССР. Тем не менее, продолжались неофициальная деятельность хурээ и молитвенных домов, контакты тувинских лам с бурятской сангхой. Буддийская культура тувинцев не исчезла полностью, она была лишь вытеснена на несколько десятков лет на периферию общественной жизни и при определенных условиях в конце века была возвращена, позволив верующим осознать геокультурную приобщенность к буддийскому миру.

В постсоветское время с его свободами религиозная жизнь вошла в общие процессы национального возрождения и стала активно развиваться. Особо значимой вехой для Тувы стал визит в республику в 1992 г. Далай-ламы XIV, в ходе которого он преподавал буддийское учение десяткам тысячам верующих. Этот визит хотя и был кратковременным, а также остался в истории республики единственным, тем не менее, стал мощным толчком в деле возрождения

буддизма (Монгуш, 2010: 142). Он установил и связи между буддистами Тувы и Тибета, а также вдохновил верующих республики на дальнейшие шаги по возрождению религиозности.

Современное состояние религиозности в Туве характеризуется устойчивой положительной динамикой: увеличением числа религиозных буддийских организаций, строительством храмов на месте разрушенных, увеличением количества буддийских ступ — субурганов, постепенно растущим числом тувинцев, причисляющих себя к буддистам. В публикации 1998 г. О. М. Хомушку отмечала наличие в Туве 13 зарегистрированных буддийских организаций в составе 26 религиозных (Хомушку, 1998: 108). В 2000 г., по сведениям М. В. Монгуш, на территории Тувы действовало уже зарегистрированных 20 буддийских организаций, из общего числа 44 религиозных организаций (Монгуш, 2001: 137). На июнь 2019 г., по данным Министерства юстиции РФ, буддийских организаций насчитывается 22 из общего числа религиозных организаций — 58.

Данные социологических опросов разных авторов по религиозной принадлежности тувинцев показывают различные цифры. По сведениям О. М. Хомушку, в 1996 г. буддистами себя называли 52% тувинцев, при том, что шаманистами — 19% (Хомушку, 1998: 108). В 1999 г. автор насчитала 49,27% буддистов (Хомушку, Электр. ресурс). В 2001 г. в исследовании В. С. Донгак была получена цифра 82,5% буддистов среди тувинцев (Донгак, 2003: 24), а у З. Ю. Анайбан в 2004 г. насчитывалось 80% (Анайбан, Тютхенева, 2008: 71). Расхождения в цифрах З. В. Анайбан объясняет разными методиками опросов. Она подчеркивает, что в любом случае очевиден рост религиозной активности населения, и прежде всего — буддизма (там же: 70–71). Значимость религиозной принадлежности растет и среди молодежи. Так, например, в 2015 г. З. В. Анайбан в социологическом опросе молодежи Тувы зафиксировала, что 83% молодежи тувинской национальности называют себя буддистами (Анайбан, 2017: 169).

Новые условия позволили тувинцам расширить пространственную картину мира и «оживить» свой религиозный центр: увидеть лично легендарного буддийского иерарха, принимать тибетских учителей, а также самим выезжать за границу на буддийские учения. Важнейшим итогом такого «оживления» стало осознание своей причастности к миру буддийской конфессии и формирование геокультурных буддийских образов. Мы их делим на зарубежные и отечественные.

Главным зарубежным геокультурным образом для буддистов Тувы, разумеется, в первую очередь стал Тибет, колыбель северного буддизма, откуда религия и пришла в республику, духовных наставников которых признают буддисты Тувы, Бурятии, Калмыкии. Однако, в 1959 г. Тибет был оккупирован Китаем, глава страны и высший иерарх церкви Далай-лама XIV был вынужден покинуть родину и вместе с тысячами тибетцев отправиться в изгнание в Индию. Здесь он проживает до сих пор, сложив себя полномочия главы правительства, оставшись духовным лидером, и с этой страной связана уже большая часть его жизни. С тех пор фактически центр тибетского буддизма переместился в индийский город Дхарамсалу в штате Химчал-Прадеш, на южных склонах Гималаев, где и проживает община тибетских беженцев. Именно сюда и устремляются с тех пор тысячи паломников, жаждающих увидеть и услышать слова наставления от Далай-ламы. Поэтому Тибет как образ центра тибетского буддизма у тувинцев, очевидно, что также, как и у калмыков, и бурят, фактически получился смещенным — тибетско-индийским. Хотя численность тибетцев в КНР превышает число беженцев, центр его культуры считается смещенным. Для этого феномена есть даже устойчивые термины «Тибет в изгнании», «правительство Тибета в изгнании».

Важнейшим фактором этого смещения стала жизнь и деятельность в изгнании Далай-ламы XIV, который стал выступать персональным центром геокультурного образа мирового буддизма. Мирового, несмотря на то, традиция Гелугпа — направление тибетского буддизма — считается одной из множества буддийских школ. Соответственно, буддийский мир воспринимается в первую очередь не в связи с определенной локализацией, а в связи с деятельностью его лидера. И это не удивительно, учитывая особенности буддийского вероучения, направленного прежде всего на задачи самосовершенствования самого человека.

Согласно традиции школы Гелугпа каждый Далай-лама считается воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары — воплощением бесконечного сострадания всех будд. Оставаясь лидером тибетского народа и буддийской церкви, он своим примером показывает, что центр буддийской веры может не иметь пространственной локации, что буддизм связывается с человеческим сознанием и деятельностью, с учением о нравственности, с постоянным поиском мудрости.

Буддисты России ждут того, что лидер религии снова посетит их территории, благословит их самих, их земли и религиозные центры. Такой визит трактуется как снисхождение центра буддийской геокультуры на пространство, как подтверждение того, что эта земля освящена Учением и является неотъемлемой частью буддийской геокультуры. Однако, отношение правительства Китая к Далай-ламе остается сложным долгие годы. Официальный Пекин считает его сепаратистом и всячески противится распространению его деятельности и выступлений. Конфронтация китайско-тибетского вопроса не имеет пока перспектив для разрешения (Гарри, 2016). Это сильно осложняет жизнь российских буддистов. Более того, тувинцы, как и калмыки, и буряты, понимают свое конфессиональное отличие, меньшинство и ущемленность религиозных прав в своей стране. Это становится фактором отчуждения от центра российской политики, а также подкрепляет чувство общности буддийских республик, много лет живущих в ожидании своего пастыря. Российскими геокультурными образами буддизма для тувинцев тем самым в первую очередь выступают близкие в культурном и религиозном отношении Калмыкия и Бурятия.

Дополнительными, не столь крупными для тувинцев российскими буддийскими геокультурными образами также можно назвать образ Санкт-Петербургского храма — дацана Гунзэчойнэй, а также Алтайский и Забайкальский края, Читинская и Иркутская области, где также функционируют дацаны. Разумеется, буддийские общины есть во многих городах, действуют они самостоятельно.

Значение образы имеют разные в зависимости от точки зрения. Все указанные островки буддизма — самой разной величины — в нашей стране остаются разрозненными островками. В 1991 г. была предпринята попытка провести учредительную конференцию в петербургском дацане, с тем, чтобы создать единый буддийский центр. В Москве в 1993 г. был создан Центр тибетской культуры и информации, курируемый Далай-ламой XIV, главная цель которого — возрождение буддизма в России. Тем не менее, ситуация не изменилась: каждый регион имеет свое духовное управление. Есть Буддийская традиционная сангха России и Духовное управление буддистов в Бурятии, Объединение буддистов Калмыкии и Управление Камбы-ламы в Туве (Сафронова, 2009). С одной стороны, эта разрозненность стала продолжением традиции многолетнего автономного развития буддийских общин, а с другой стороны, как пишет М. С. Уланов, буддийская идентичность в Калмыкии, Бурятии и Туве во многом приобрела черты культурной идентичности. Буддистом человек может считать себя потому, что он калмык, бурят или тувинец, который живет в регионе с буддийскими традициями и через эти традиции и национальную культуру ощущает свое духовное родство с буддизмом (Уланов, 2010: 242).

Буддийская геокультура, на сегодня представляющая собой интереснейшее глобальное явление, имеет образы реальных и смещенных пространств, зарубежных и российских. Геокультурные образы буддизма тувинцев демонстрируют нам как внутриконфессиональные, так и межконфессиональные связи, которые сегодня как укрепляют религиозную жизнь, так и усложняют ее.

Литература

1. Анайбан З. В., Тюхтенева С. П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М.: Институт востоковедения, 2008 217 с.
2. Анайбан З. В. (2017) Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. М.: ИВ РАН, 2017. 240 с.
3. Берзин Т. Тибетский буддизм: Его история и перспективы развития. М., 1992.
4. Буддийский взгляд на мир / сост. Е. П. Островская и В. И. Рудой. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 461 с.

5. Гарри И. Тибетский вопрос и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016, № 4. С. 148–173. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-148-173
6. Донгак В. С. Этническая этничность у тувинцев: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2003.
7. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
8. История Тувы: в 2 т. 2-е изд. / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.
9. Ламажаа Ч. К. Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/862> (дата обращения: 10.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.3.3
10. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
11. Монгуш М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей Этнологии, 2010. 360 с.
12. Сафронова Е. С. Современный буддизм в России как часть буддийской цивилизации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009, Т. 27. № 1. С. 73–84.
13. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): дисс. ... д-ра филос. н. Ростов-на-Дону, 2010. 369 с.
14. Хомушку О. М. Религия в истории культуры тувинцев. М.: б./и., 1998. 177 с.
15. Хомушку О. М. Трансформация добуддийских архетипов в процессе их взаимодействия с буддийскими представлениями в мировоззрении народов Саяно-Алтая // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и центрально-азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности: в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2010. Ч. II. 280 с. С. 260–267.
16. Хомушку, О. М. Межконфессиональные отношения в Республике Тыва: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Российское объединение исследователей религии. URL: <https://rusoir.ru/03print-01/03print-01-34/> (дата обращения: 12.05.2019).

Невелёв М.Ю.

К истории одного межкультурного противостояния (опыт осмысления веры в христианстве)

*Московский государственный институт культуры
Адвокатская Палата Московской области*

Аннотация. Доклад посвящен проблемам межкультурного и межконфессионального противостояния и взаимовлияния. Отправной точкой в исследовании является попытка переосмыслить роль веры в системе ключевых положений христианской доктрины. Исследование основывается на предположении о наличии связи между некоторыми особенностями христианского подхода к проблеме мира и человека и формированием специфического терминологического аппарата в процессе развития и осмысления в европейской культуре религиозного опыта. Далее рассматривается влияние европейской мыслительной парадигмы на другие культурные регионы в ходе межкультурного взаимодействия. Переоценка роли веры в христианском учении влечет необходимость переосмысления роли данного концепта во всей системе знаний о религии и о природе религиозного чувства. В работе указаны направления проводимых исследований, виды исследований, представлены некоторые их результаты. Сделаны общие выводы, важные для осмысления религиозного опыта и религиозных институтов в обществе Позднего Модерна.

Ключевые слова: религия, вера, религиозная вера, верование, религиозный опыт, религиозный дискурс, межкультурное взаимодействие, статистический анализ текста.